

Она ничуть не скрывала того, что выходила на прогулку во время своего «болезни», и, грациозно поприветствовав Цин Ло, произнесла:

— Приветствую Красавицу Юй.

— А у тебя на редкость быстрый слух, — усмехнулась Цин Ло. — Значит, ты та самая больная? Говорят, ты занемогла, но при этом умудряешься быть в курсе всего, что творится во Дворце Юйцзао. Восхитительно.

— Ваша милость изволит шутить. В императорском дворце можно оставаться немым, но глухим быть нельзя, не так ли?

— Ты очень сообразительна.

— Ин Сюэ не смеет.

— Тебя зовут Ин Сюэ?

— Да.

— Красивое имя, — искренне произнесла Цин Ло.

— Благодарю за похвалу. Разве не странно, что Ин Сюэ притворяется больной и не выходит, чтобы засвидетельствовать вам почтение?

— Мне всё равно. За улыбкой порой скрывается кинжал, а вот прямолинейные люди внушают больше доверия.

— Вы невероятно проницательны, Ваша милость. Ин Сюэ немного смыслит в физиогномике: по вашему лицу видно, что в будущем вас ждет великое богатство и знатность.

— Благодарю за добрые слова. А у тебя очень красивый голос.

— Благодарю за похвалу, Ваша милость. Но что толку в прекрасном голосе, если некому им наслаждаться? Он пропадает даром.

— Разве у тебя не было возможности повидать Императора?

— У Ин Сюэ нет такого счастья.

— Хочешь, я устрою тебе встречу с ним?

— Не нужно. Мне хорошо вот так, в тишине и покое.

Произнеся это, она легко улыбнулась, и Цин Ло показалось, что эта улыбка чиста и прозрачна, как родниковая вода, отчего на душе у нее стало необыкновенно легко. Она невольно улыбнулась в ответ и сказала:

— Поздний час, мне пора возвращаться. Было приятно познакомиться.

— Взаимно.

— До встречи.

Цин Ло кивнула и уже собиралась уходить, как та вдруг окликнула ее. Цин Ло удивленно обернулась, а собеседница с улыбкой спросила:

— Наверное, Ваша милость направляется на тот самый пир?

— Что? О каком пире ты говоришь... О банкете? Да, а что?

— Это Благородная супруга Гуйфэй велела вам идти?

— Да.

— На месте Вашей милости я бы не пошла.

— Почему?

— На подобных банках кому-то выпадает милость Императора, и они в один миг взлетают на самую вершину, а кто-то погибает страшной смертью. Вы наверняка слышали слухи об Императоре, почему же вы согласились на предложение Гуйфэй? Неужели вам совсем не дорожана собственная жизнь?

— Что ты такое говоришь? Кто-то умрет?

— Да. Поговаривают, будто Император — переродившийся демон, который каждый месяц непременно испивает жизненную энергию чистых дев из императорского дворца. В столице это давно уже не секрет... Конечно, некоторым служанкам удавалось чудом выжить и даже получить высокий титул, но век их недолог.

— Почему так происходит?

— Об этом вам следовало бы спросить самого Императора. Поскольку это давно уже перестало быть тайной, все хранят молчание. Каждый месяц Император должен забрать чью-то жизнь, причем непременно девушку редкой красоты. Выбор делает Благородная супруга Гуйфэй: обычно это дворцовые служанки, а наложницы попадают крайне редко, да и то лишь те, кто чем-то прогневил Гуйфэй. Ваша милость, вы ведь не переходили дорогу Благородной супруге?

— Вроде бы нет.

— Тогда это поистине странно... Ваша милость, я и так уже наговорила лишнего, а как поступить — решайте сами.

— Спасибо тебе. Зачем ты рассказала мне всё это? Никто вокруг не желает говорить правду, почему же ты решила мне помочь?

— Я же сказала, что умею читать по лицам. Просто надеюсь, что однажды, взлетев на вершину, Ваша милость поможет мне покинуть дворец.

— Ты хочешь уйти из дворца?

— Да. Я хочу уйти.

— Хорошо. Хотя наложницам покинуть дворец невероятно трудно, я уверена, что выход найдется. Я сделаю всё от меня зависящее, — пообещала Цин Ло.

— Благодарю. Прощайте.

— Прощай.

Цин Ло и Благородная госпожа Сюэ разошлись в ту ночь, словно незнакомки, никогда прежде не общавшиеся друг с другом. Цин Ло не понимала, почему эта девушка решила ей помочь, но интуиция подсказывала, что зла та не желает. Обернувшись, она проводила взглядом растворяющуюся в лунном свете фигуру Благородной госпожи Сюэ, и на сердце у нее вдруг скреблось смутное беспокойство. Но она знала: даже если впереди ее ждет логово дракона и тигра, идти туда необходимо — это лучший шанс узнать тайну Му Цинхяня.

Еще когда она жила в родительском доме, до нее доходили слухи о том, насколько никчемным и распутным был наследник прежнего императора, пропадавший в кварталах красных фонарей. Однако у покойного правителя не было других сыновей, так что престол мог достаться только ему.

Каждый месяц в стенах дворца при загадочных обстоятельствах умирали женщины. И хотя эти слухи тщательно скрывались, они все равно просачивались наружу. Все сановники спешили как можно скорее обручить и выдать замуж своих дочерей, и лишь те, кто занимал низкие должности или жаждал во что бы то ни стало пробиться наверх, отправляли дочерей во дворец в надежде возвыситься и разбогатеть.

Впрочем, если рассуждать как об императоре, гарем Му Цинханя был поистине невелик: даже если прибавить к списку низшие ранги вроде дажэнь и чанцзай, набралось бы едва ли около полусотни женщин.

Он не пожаловал никому титул императрицы, не имел наследников, а внутренним двором единолично заправляла Благородная супруга Роуцзя, фактически обладая властью императрицы. В народе ходили упорные слухи, что этот император — переродившийся демон, пожирающий человеческую плоть и пьющий кровь, сущее порождение зла! И теперь она сама находилась рядом с этим монстром, став одной из его женщин...

Эх...

Вернувшись в свои покои, Цин Ло утомленно закрыла глаза. Возможно, из-за недавнего ранения Му Цинхань нынче ночью не стал ее тревожить, и она наконец-то выпалась. Проснувшись на следующее утро, она по обыкновению отправилась засвидетельствовать почтение Благородной супруге Гуйфэй, приняла поклоны прочих наложниц и провела время в пустых разговорах. Дни текли своим чередом, настолько безмятежно, что Цин Ло почти забыла о своей миссии, чувствуя себя так, словно и вовсе не покидала родительский дом. В этот день, только проводив уходивших с визитом наложниц и завершив все хлопоты, она обнаружила, что наступило время полуденной трапезы.

Служанки чинно расставили блюда, положенные по рангу Красавицы, а Нянька Ли, стоя рядом, принялась наставлять Цин Ло в придворном этикете за столом, и та покорно выслушивала каждое слово.

Благодаря тщательному уходу имперских лекарей шрамы на ее лице почти исчезли, сделавшись совершенно незаметными, и к ней вернулась прежняя ослепительная красота. Она понимала: по мере того как ее облик расцветал заново, взгляды окружающих становились все более двусмысленными и враждебными. Жизнь ее грозила стать еще тяжелее.

— Лоэр, после обеда прогуляемся со мной в сад.

— Слушаюсь, Красавица.

Цин Ло обожала редкие цветы и травы в Императорском саду, и это служило ей едва ли не единственной отдушиной в тюрьме императорского дворца. Пообедав, она вместе с Лоэр направилась в Императорский сад полюбоваться цветами. Подойдя к роскошному кусту ярко-красных пионов, она незаметно подмигнула Лоэр. Та тотчас притворилась, будто срывает цветок, а сама украдкой протянула руку за ветку пиона, вытащила небольшой сверток в

промасленной бумаге и быстро передала его хозяйке. Сердце Цин Ло радостно забилося, она уже собиралась забрать сверток, как вдруг у себя за спиной услышала женский голос:

— Красавица Юй так любит этот сорт Яохуан?

Лоэр от неожиданности вздрогнула, и сверток упал на землю. Цин Ло молниеносно обернулась и увидела Роуцзя, которая в сопровождении целой свиты прогуливалась по саду, направляясь прямо к ней.

Бросив испуганный взгляд на лежащий на земле сверток, Цин Ло поспешно опустилась на колени. Падая на землю, она ловким, незаметным движением подобрала бумажный пакет и спрятала в рукав. А Роуцзя с улыбкой произнесла:

— К чему же Красавице оказывать столь бурные знаки почтения? Я ведь не императрица, достаточно просто поклониться в пояс. Или Красавица не знает даже этих элементарных правил?

— В моем сердце Благородная супруга занимает то же положение, что и императрица, поэтому при встрече с вами подобает соблюдать императорский этикет, — через силу ответила Цин Ло.

— Вот как... Раз так, то впредь можешь каждый раз падать ниц при встрече со мной.

Какая же я дура.

Цин Ло мысленно выругала себя за то, что в самый ответственный момент снова смогла сболтнуть лишнего и села в лужу. Лицо ее залилось кражей от охватившего ее стыда. Если бы не внезапное появление Гуйфэй, она бы ни за что не встала перед ней на колени; если же теперь придется кланяться ей каждый раз, то, пожалуй, проще покончить с этой женщиной как можно скорее!

В самый разгар этого неловкого молчания, когда она лихорадочно соображала, как поступить, чей-то голос прервал тишину, и к ним неторопливой походкой приблизился молодой мужчина в одеждах цвета морской волны. Он остановился прямо перед Цин Ло, и все придворные дамы, за исключением Роуцзя, почтительно склонились перед ним. Роуцзя приветливо улыбнулась гостю:

— Какая прекрасная погода нынче, раз уж ты заглянул во внутренний дворец?

— Твой покорный слуга навещал Императора, да путь пролегал мимо внутренних покоев, — ответил мужчина.

— Как самочувствие Его Величества? — тут же поинтересовалась Роуцзя.

— Сносно, духом бодр. Лекари говорят, что в ближайшие дни императорскому здоровью не следует... Словом, в последнее время он не жалует вниманием остальных супругов.

— Что ты такое говоришь! — шутиливо отчитала его Роуцзя. — Словно мы заставляем Императора против воли.

— Ваша милость... — щеки мужчины слегка порозовели.

На вид ему было чуть за двадцать, черты лица отличались изысканной красотой, губы были алыми, кожа белой, а глаза — чистыми, словно горный ручей.

Цин Ло подняла взгляд на этого кроткого и красивого молодого человека, сообразив, что перед ней левый канцлер Лю Сычэнь — тот самый, что сдал экзамены на высшую степень в восемнадцать лет и пользовался полным доверием Му Цинхяня. Она ожидала увидеть зрелого сановника, но никак не молодого человека с такой наивной и безобидной внешностью, отчего на секунду опешила. Заметив ее взгляд, Лю Сычэнь слегка удивился, а затем с улыбкой обратился к Роуцзя:

— Благородная супруга, это...

— Новая наложница, пожалованная Императором в ранг Красавицы.

— Желаю здравствовать, Ваша милость.

— И вам того же.

Лю Сычэнь неожиданно поклонился Цин Ло, и ей пришлось отвечать на приветствие, застыв в крайне неудобной позе на коленях. Роуцзя наконец заметила всю нелепость происходящего и бросила Цин Ло:

— Встань. Я не люблю эти пустые церемонии, можешь не опускаться передо мной на колени, я просто пошутила. Ну же, поднимайся, не хочешь ли выпить чаю во Дворце Вэйян?

— Прошу простить, Ваша милость, но у меня еще есть государственные дела.

— Как знаешь, — небрежно махнула рукой Роуцзя. — Государственные дела превыше всего, тогда я удалюсь. Идемте.

Роуцзя в окружении свиты наложниц величественно удалилась, и Цин Ло наконец смогла свободно вздохнуть. Поклонившись Лю Сычэню на прощание, она уже собиралась уходить, как тот с невинной улыбкой произнес:

— Ваша милость, не изволите ли достать то, что вы только что спрятали в рукаве?

Отказ

Цин Ло остолбенела.

Лоэр испуганно посмотрела на госпожу, подтверждая слова канцлера своей растерянностью, и в этот момент Цин Ло была готова придушить эту глупую девчонку, у которой все эмоции так и написаны на лице. Лю Сычэнь продолжал невинно улыбаться, протягивая к ней руку:

— Ваша милость, не покажете ли мне этот сверток?

— О чем вы говорите, я не понимаю.

— О том самом маленьком свертке за кустом Яохуан. Или Ваша милость не желает показать его мне?

— Вы... видели?

— Да. Ваша милость отреагировала быстро, но я все же заметил. Поскольку я состою на службе у Императора, то обязан исполнять свой долг и не позволю Вашей милости заниматься запрещенными делами.

— Ха-ха... А если я откажусь?

— Тогда мне придется обратиться к должностным лицам, ведающим следствием. Думаю, Ваша милость не желает подобного исхода.

В вежливых словах канцлера отчетливо сквозила угроза, и Цин Ло наконец протрезвела. Она отчетливо поняла: человек, который в столь юные годы занял пост канцлера, при всей своей внешней наивности вовсе не так прост, как кажется!

В данный момент этот молодой чиновник ни за что не оставит ее в покое, и единственный выход — отдать ему то, что передал Чу Ли. Слегка вздохнув, она достала из рукава бумажный пакет и произнесла:

— Вот.

— Прошу передать его мне.

— Разве канцлеру не любопытно узнать, что внутри?

Говоря это, Цин Ло развернула сверток и с некоторым облегчением обнаружила, что никаких посланий там нет, а лежит лишь одна-единственная красная пилюля. Увидев лекарство, Лю Сычэнь слегка прищурился, отчего его длинные ресницы стали казаться еще гуще. Он улыбнулся:

— Интересно, что это за вещьца?

— Пилюля. У меня слабые легкие, и без этого лекарства мне не выжить, а цветы пиона служат главным ингредиентом для его отвара.

— Слышу об этом впервые.

— Даже у столь образованного канцлера наверняка есть пробелы в знаниях. Мир так велик, в нем столько диковинных вещей, неужели вы можете знать *absolutamente* всё?

— Ваша милость права. А теперь прошу отдать пилюлю мне.

— Хорошо.

Произнеся это, Цин Ло поднесла руку к лицу, но вместо того, чтобы протянуть пилюлю, вбросила ее в рот и мгновенно проглотила. Лю Сычэнь в ужасе бросился вперед, пытаясь перехватить ее руку, но было уже поздно.

Поняв, что лекарство спасти не удалось, он попытался выхватить из ее рук бумажную обертку, однако Цин Ло опередила его и запихнула пустую бумагу себе за пазуху. Лицо Лю Сычэня мгновенно покраснело, он потерял дар речи и уставился на нее во все глаза. Щеки Цин Ло тоже залились румянцем, и она смущенно произнесла:

— Это вовсе не яд. Я уже приняла его, так что канцлер может быть спокоен.

— Раз так, почему вы побоялись отдать его на проверку лекарям?

— Я же сказала, что это лечебное средство. У меня врожденный недуг, и если об этом узнает Император, то наверняка охладет ко мне. Лишившись его милости, женщине во дворце не выжить. Канцлер ведь понимает это?

— Вы так сильно переживаете об Императоре?

— Разумеется, — соврала Цин Ло.

— В таком случае пойдемте со мной навестить Его Величество.

— Разве вы не только что от него? Зачем возвращаться снова?

— Вдруг вспомнил об одном неотложном деле.

— Я прекрасно понимаю ваше намерение — вы опасаетесь, что я приняла яд, а у меня при себе осталось противоядие. Раз уж вы мне не доверяете, давайте присядем где-нибудь здесь и сыграем на цине, к чему лишний раз тревожить Императора?

— То, что говорит Ваша милость, — правда?

— Разумеется. Идемте.

Спокойная уверенность Цин Ло несколько сбила Лю Сычэня с толку, и ему ничего не оставалось, как молча последовать за ней.

Он действительно намеревался помешать ей принять противоядие, и теперь, когда Цин Ло прямо указала на его истинные мотивы, чувствовал себя не в своей тарелке, а лицо его слегка покраснело. Цин Ло с мрачным выражением лица посмотрела на этого парня, похожего на невинного юношу, уселась за гуцинь и с безмятежным видом заиграла мелодию. Лю Сычэнь молча стоял рядом, слушая музыку и глядя на девушку, чья красота казалась неземной; на душе у него постепенно воцарялся покой.

— Вы... — губы Лю Сычэня чуть шевельнулись.

— Что такое? — Цин Ло подняла глаза и улыбнулась.

Она знала, что ее красота — лучшее оружие, ведь на свете нет мужчины, способного устоять перед ней. Каким бы хитрым ни был этот канцлер, в глубине души он оставался всего лишь юношей, а значит, неизбежно попадет в расставленные ею сети.

Следуя советам Хуа Нянь, она скопировала ту самую недосказанную улыбку, что пользовалась наибольшей популярностью у куртизанок Хунсю, слегка опустив голову и позволив легкому ветерку растрепать ее волосы. Сердце Лю Сычэня слегка ёкнуло, но он с улыбкой произнес:

— У Вашей милости прекрасная техника игры.

— Средненько, — нарочито кокетливо улыбнулась Цин Ло. — Интересно, не сыграете ли вы мне в ответ?

— Это...

— Неужели канцлер сомневается в своем мастерстве и не смеет показать себя? — нарочно подзадорила она его.

— Я не смею отказаться.

— Тогда прошу вас сыграть. Это станет компенсацией за вашу сегодняшнюю бестактность. После этого мы станем чужими людьми, и давайте больше не вспоминать о случившемся, договорились?

— Что ж... Я покорен вашим приказом.

Внимательно взглядевшись в лицо Цин Ло и не заметив ни малейших признаков отравления — к тому же улики она давно проглотила, а оставшийся клочок бумаги отобрать было уже неудобно, не говоря уж о том, чтобы объяснять кому-либо, откуда он вообще про это узнал...

От подобных мыслей на душе у него скребли кошки, но на лице не дрогнул ни один мускул. Лю Сычэнь уселся за инструмент и небрежно исполнил мелодию «Высокие горы и текущие воды» — чистую, глубокую и бесконечно протяжную, которая звучала в тысячу раз лучше только что исполненной Цин Ло композиции. И Цин Ло, и Лоэр замерли от изумления. Закончив играть, Лю Сычэнь негромко произнес:

— Я показал себя с худшей стороны.

.....

— Ваша милость, вы только что сфальшивили в нескольких нотах.

— Что? — лицо Цин Ло залилось краской.

— Хотя мне не следовало бы говорить об этом, но так легко сбиться в столь простой мелодии... Ха-ха.

Будучи не по годам серьезным, Лю Сычэнь обычно умел скрывать любые эмоции, но сегодня, потерпев скрытое поражение, он непременно хотел взять реванш на словах. Он и сам не понимал, к чему эти детские выходки, однако, видя покрасневшее личико Цин Ло, чувствовал необыкновенное облегчение. Цин Ло подняла на него сложный взгляд и протянула:

— Канцлер сделал это нарочно? Специально разозлить меня?

— Я не смею, — поспешно и строго ответил Лю Сычэнь.

— Как пожелаете, — подавив гнев, процедила Цин Ло. — Скажите, канцлер, я теперь могу идти?

— Разумеется.

— До свидания.

Пир

Разъяренная Цин Ло быстрым шагом вернулась в свои покои и со злости смахнула на пол все украшения со стола, пока испуганная Лоэр в ужасе подбирала обломки.

Выпустив пар, Цин Ло с досадой осушила чашку чая и бросила:

— Никогда не встречала столь отвратительного мужчину!

— Красавица, неужели этот канцлер... станет доносить?

— И о чем же он донесет? О том, что я прятала лекарство? Так я его проглотила, улики у него нет! А если он вздумает настаивать на обыске, я заявлю, что он своими глазами видел, как я засунула бумажку в нижнее белье? Не думаю, что он настолько глуп.

— Сегодня было так опасно! К счастью, вы вовремя всё сообразили! — с дрожью в голосе произнесла Лоэр.

— Да... Очень опасно. Чу Ли наверняка узнает о сегодняшнем происшествии, в следующий раз придумаем другой способ связи — чуть не погубил меня!

— Ван и впрямь странный человек. Раз уж решил прислать лекарство, почему не прислал людей, зачем заставил саму Красавицу идти за ним? Неужели он не боялся подставить вас под удар?

— Полагаю, он просто не хочет, чтобы мы знали, кто именно его шпион во дворце, и до сих пор мне не до конца доверяет. А еще — хотел дать понять, что моя смерть ничего для него не изменит...

— Не может быть.

— Ха, а ты кем нас возомнила? Мы всего лишь пешки, а погибнем — станем сломанным инструментом. Так что, если хотим выжить, придется рассчитывать только на себя.

— Как же всё это надоело, — вдруг вырвалось у Лоэр.

— Что?

— При такой жизни, когда не знаешь, проживешь ли до завтра, лучше уж оставаться в Хунсю. Пусть положение там низкое, но по крайней мере сытно и тепло, и можно жить спокойно...

— Лоэр, ты пожалела?

— Нет, — тихо покачала головой девушка. — Видимо, такова моя судьба. Если бы я не встретила вас, давно бы уже сгинула, и я готова отдать за Красавицу свою жизнь.

— Что ты говоришь?

— Разве Красавица забыла?

— Разумеется, нет... Лоэр, прости, я сорвалась.

— Ничего. Я понимаю, как вам тяжело. Но канцлер ведь прав — все остальные наложницы отправились навестить Императора, неужели вы не пойдете?

— Не собираюсь я присоединяться к этой толпе.

— Но как же тогда выполнить поручение Вана?.. А вдруг он перестанет присылать противоядие?

— Эх... Дай мне подумать.

Сама того не понимая, Цин Ло испытывала лютую неприязнь к Му Цинханю — пожалуй, даже большую, чем к Чу Ли. Она прекрасно сознавала, что ради успешного выполнения плана ей следовало бы ублажать Императора, но переступить через себя и заискивать перед собственным врагом никак не получалось.

Шум вокруг бумажного свертка постепенно утих, а обещанный Роуцзя вечерний банкет неумолимо приближался.

С наступлением сумерек во Дворце Юйцзао зажглись бесчисленные свечи, осветив залы так ярко, что они казались залитыми дневным светом.